

УДК 39(4/9)

**М.И.Васильев****ОБ ОДНОМ ТИПЕ ДОМА НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ***Гуманитарный институт НовГУ*

The sources and the further history of the so-called «Msta-type» houses, which were wide-spread in the central regions of Novgorod Guberniya in the XIXth — the first quarter of the XXth centuries, are studied. The author suggests the hypothesis about the city medieval roots and its lately development in the Msta river basin from the «near-trakt» territory.

Своеобразие социально-экономического и исторического развития, особенности геоклиматических условий различных регионов России привели к формированию разнообразных типов крестьянских домов и усадеб. Многие из них неоднократно описывались в научной литературе [1]. В то же время некоторые типы жилищ изучены еще недостаточно. Об одном из них (по терминологии Л.Е.Красноречьева «мстинском» типе дома) и пойдет речь в данной работе. Отличительными особенностями таких домов являются высокая (около 2 м) подизбица, наличие галереи-«прикрылка», а также «передка» — помещения под односкатной крышей, примыкавшего к боковой стороне дома. Нередко этот набор дополняет декоративный балкон [2].

Впервые на дома с такими особенностями обратил внимание И.В.Маковецкий, опубликовавший изображение двух усадеб из Валдайского района Новгородской области. Он датировал их началом XIX в. [3]. Г.Г.Громов привел рисунок одного из этих домов в «Очерках русской культуры XVIII века», необоснованно завысив его возраст отнесением к XVIII в. [4]. В дальнейшем такие дома были обнаружены и в других

местах. По исследованиям Л.Е.Красноречьева 1960 — 1970-х гг. они были широко распространены восточнее Новгорода по среднему и нижнему течению р. Мсты и ее притокам, вдоль шоссе Новгород — Москва приблизительно до Торжка и по побережью озера Ильмень [5]. Полевые материалы автора 1980 — начала 1990-х гг. расширили этот ареал. Были получены свидетельства бытования таких домов в конце XIX — начале XX вв. и вдоль тракта Новгород — Санкт-Петербург (на территории Новгородского и Чудовского районов Новгородской области): вначале путем устного опроса старожилов, а затем и по натурным материалам. Последние исследования позволили уточнить и границы распространения «мстинских» построек в районе озера Ильмень: оказалось, что они бытовали только на восточном его побережье [6].

Каковы же причины возникновения подобного дома? Л.Е.Красноречьев связывает его происхождение с геоклиматическим фактором. По его мнению, такие дома появились в деревнях, расположенных в низменных местах, подверженных разливам реки Мсты, где крестьяне старались поднять жилье выше от сырости и снежных заносов [7]. Это предполо-

жение и послужило причиной того, что рассматриваемый тип построек был назван «мстинским». По мнению Л.Е.Красноречьева, подобные постройки могли появиться в данном районе «в XVII — XVIII столетиях или даже ранее» [8].

Для проверки данной гипотезы рассмотрим материалы по происхождению и истории элементов конструкции, отличающих «мстинский» тип дома от других усадеб северо-запада Европейской России. Начнем с односкатного «передка», который является передней частью крытого двора. Застройку подобного типа в этнографической литературе называют усадьбой с «двором глаголем» [9]. Надворные постройки при такой застройке охватывают избу с двух сторон, закрывая сбоку сени и часть жилого помещения. Ареал распространения усадеб с глаголеобразным двором (с расположением ворот во двор в торцовой стене усадьбы) включает всю среднерусскую и большую часть севернорусской территории Европейской России, где они сосуществуют с другим типом дома — «связью» [10]. На территории Новгородской области в него входит кроме зоны построек «мстинского» типа часть южных и юго-западных районов [11]. Жилую часть усадьбы этого типа представляют дома на подизбице (от средней до высокой). Галерея у таких построек, за исключением «мстинского» ареала, отсутствует.

Очевидно отсутствие какой-либо корреляции между наличием «передка» и высокой подизбицы с галереей.

Основной аргумент, свидетельствующий, по мнению Л.Е.Красноречьева, в пользу географических причин появления домов «мстинского» типа, — высокая подизбица, также не подтверждается фактическими данными. Ареал распространения исследуемых построек включает в себя районы с отметками высот от 0 до 300 м над уровнем моря; в частности, некоторые районы Приильменской низменности наряду с Валдайской возвышенностью [12]. К тому же эти дома располагаются только на половине территории Приильменской низменности, на другой половине распространены дома на средней (около 1,5 м) подизбице. И, наконец, ареал бытования домов на высокой подизбице не совпадает даже в общих чертах и с ареалом выпадения наибольшего количества осадков в Новгородской области [13].

Следует сказать, что вышеуказанная гипотеза базируется на широко распространенном в науке тезисе о зависимости высоты подполья от географических условий [14]. Однако, отталкиваясь от этого верного по сути тезиса, исследователи по-разному интерпретируют его. Большинство придерживается мнения о взаимосвязи географических факторов с зональными особенностями архитектуры. Действительно, на юге России господствует поземное жилище, в средней полосе — жилище с невысоким подпольем, а в северной России — жилище со средним и высоким подпольем [15].

Некоторые авторы (в том числе и Л.Е.Красноречьев) распространяют этот вывод и на местные, ло-

кальные особенности архитектуры. Однако их ссылки на геоклиматические причины появления высокого подполья в каком-либо регионе (будь то Новгород или Тверская область), как показывают материалы, совершенно неправомерны. С одной стороны, оказывается, что ареал бытования изб на высокой подизбице охватывает не только северную, но и среднюю часть Европейской России, а также юг Урала и Сибири, т.е. значительно превосходит зону высокого снежного покрова [16]. С другой стороны, в комплексе с домами «мстинского» типа нередко оказываются избы-«наземки», у которых подполье часто отсутствовало вообще. И, что самое удивительное, они являлись зимними избами, в то время как избы на высокой подизбице — летними, когда о снеге и сырости не могло быть и речи [17]. Подобные избы-«наземки» часто встречались и в других регионах Европейской России, включая территорию Архангельской губернии [18].

Очевидно, появление высокой подизбицы в различных регионах России носят более сложный причинный характер. Для выяснения этих причин обратимся к более ранним материалам. Оказывается, высота подполья в средневековой Руси имела прежде всего престижный характер. «Сознание феодального общества, — очень тонко подметил Г.Г.Громов, — весьма четко отражается в том стремлении чуть ли не буквально определять место человека, его социальную принадлежность «по высоте»» [19]. Это очень ярко прослеживается на русских средневековых материалах по жилищу. Начиная с XII — XIII вв., когда наземное жилище получает преобладающее влияние в Древней Руси, дом богатого человека начинает быстро расти вверх [20]. По единодушному мнению исследователей, «хоромы» богатых людей в севернорусском и среднерусском средневековом городе всегда строились с высоким подпольем в два, а то и в три этажа [21].

Иную картину мы видим в средневековых крестьянских жилищах. «Высота жилища, т.е. наличие подклета (подполья. — М.В.) под избами, еще в XVI — XVII вв. не была характерной чертой крестьянского жилища среднерусской и севернорусской деревни. Правда... можно отметить явную тенденцию к распространению таких высоких типов построек прежде всего в северных районах (Новгород, Белозеро и др.)...», — такую характеристику дают исследователи крестьянскому жилищу этого периода [22]. Несмотря на значительно меньшее распространение в это время высоких жилищ в деревне по сравнению с городом мы можем, опираясь на фактор «престижа», довольно определенно говорить о наличии таких домов и в богатых деревенских хозяйствах.

Существенное влияние на вертикальную тенденцию развития жилища в городе наряду с престижностью играла и высокая плотность застройки (прежде всего, посадов) на протяжении всего средневековья, чего опять-таки мы не можем сказать о деревне того времени.

Далее, в числе причин, способствовавших вертикальному развитию жилища в городе и деревне,

может быть названо функциональное назначение подполья и, прежде всего, размещение в нем торговой лавки или ремесленной мастерской. Эта тенденция значительно меньше отражена в исследованиях по жилищу, поэтому на ней необходимо остановиться более подробно.

Как и в предыдущем случае, приоритет здесь принадлежал городу. Это связано с тем, что город был еще и центром ремесла и торговли. Согласно существовавшим правилам, торговля в средневековье производилась исключительно на торгу, в торговых «рядах», которые напоминали собой улицы. На них располагались различные торговые и складские помещения: лавки, амбары, клети и др. Лишь Городовое Положение 1785 г. предоставило горожанам право выбирать место торговли: или в гостиных (торговых) дворах, или в домах, лавках и амбарах на своем подворье [23].

Лавки и амбары были довольно разнообразными как по своим размерам, так и по конструкции. Они могли являться, что для нас чрезвычайно важно, и частями более сложных построек. Об этом свидетельствуют их названия в документах того времени: «лавка под горницею», «лавка под избой», «лавка под двором», «лавка под сенями», «лавка с клетью», «анбар под избой», «анбар под горницею» и др. Нередко лавки служили в это время не только торговым, но и производственным помещением-мастерской [24]. Таким образом, многие помещения были двухярусными, где высота лавки или мастерской должна быть не менее роста человека, т.е. соответствовать показателям подизбиц в избах «мстинского» типа.

Массовое включение деревни в торговые денежные отношения происходит значительно позже. Поэтому данный фактор не мог серьезно влиять на рост высоты крестьянских жилищ в средневековье. Лишь с XIX в., особенно со второй его половины, мы можем наблюдать последствия активного вовлечения деревни в капиталистические отношения. Многие исследователи крестьянского жилища сообщают о том, что во второй половине XIX в. в различных регионах России высокие подизбицы часто используются как мастерские, лавки, склады для товаров, чайные. В это же время в Поволжье получил широкое распространение и своеобразный тип дома — «полудомок» на высокой каменной подизбице или с каменным первым этажом [25]. Для ремесленников Приуралья наиболее характерными являются дома на высокой подизбице, где располагались мастерские, освещенные одним-двумя небольшими окнами [26]. Правда, исследователи видели в этом только одну сторону вопроса — признак зажиточности, и не отметили другой — взаимной связи высоты подполья и его функционального назначения. На связь высокой подизбицы с занятиями крестьян некоторыми видами промыслов и торговлей (а также и с модой) указывает и частое расположение входа в подизбицу в торце дома (с улицы) не только в ареале «мстинских» изб, но и в других регионах [27].

Таким образом, высокое подполье могло получить некоторое распространение в крестьянском хо-

зяйстве уже в XVI — XVIII вв. [28], но широкое его внедрение в крестьянскую среду началось, вероятно, только со времени активного распространения капиталистических отношений в XIX в.

Говоря о последнем отличительном признаке — «прикрылке», отметим, что он имеет достаточно древнее происхождение. Изображение прикрылки, устроенного на кронштейнах, имеется в доме на высокой подизбице на плане Тихвинского посада 1678 г. [29]. Кроме того, на чертеже Новгородского Разважского монастыря 1695 г. изображены двухэтажные «хоромы» с зашитой «в елку» галереей-прикрылком [30]. Подобные галереи имелись и у деревянных культовых сооружений, многие конструктивные черты которых, в том числе и галереи, тесно переплетались с боярской архитектурой. С другой стороны, галереи в виде разнообразных навесов употреблялись и среди торгово-ремесленного населения русских городов XVII в. Изображение лавки с торцовым входом, навесом над ним и привязанным к нему товаром приводит А.Мейерберг [31].

Средневековые источники дают нам два типа галерей: 1) зашитые полностью или наполовину досками «в елку» и 2) открытые, на столбах или кронштейнах. Первые были распространены в боярской и культовой архитектуре и служили укрытием от непогоды. Вторые характерны для торгово-ремесленных слоев, где служили еще и навесом над прилавком.

В то же время средневековые изобразительные материалы не дают традиции прикрылков в деревне. Это и неудивительно, так как не только в XVI — XVII вв., но и в XVIII в. отсутствуют причины, порождавшие их. Небольшую популярность получили галереи-прикрылки в крестьянской среде и в XIX — начале XX вв. Доказательством тому является значительно меньший по сравнению с высокой подизбицей ареал их распространения. Кроме области построек «мстинского» типа эта деталь эпизодически встречалась в северо-западных областях России [32]. Верхней границей широкого распространения прикрылков являются 1920-1930-е гг., после чего начинается их постепенное исчезновение. В районах вблизи столиц угасание традиции прикрылков под влиянием новой городской буржуазной архитектуры началось в последней четверти XIX в. Это положение хорошо подтверждается наличием очень слабой традиции в начале XX в. на территории Чудовского района Новгородской области [33].

Локальное распространение прикрылков невозможно объяснить городским влиянием на деревню, поскольку галереи не обнаруживаются в селах Центральной России и Поволжья несмотря на то, что в средневековье бытовали во многих городах. Существующий ареал трудно объяснить и влиянием Новгорода на ближайшую округу, поскольку их нет в западных районах Новгородской области.

Таким образом, аргументы, изложенные выше, опровергают гипотезу не только о геоклиматических причинах возникновения изб на высокой подизбице с прикрылком, но и о новгородском их происхожде-

нии. Подобный тип дома возник в средневековом русском городе. Затем он распространился в незначительных масштабах и среди торгово-ремесленного населения в сельской местности. Одним из активных проводников городской торгово-ремесленной архитектуры могли выступать притрактовые поселения (в том числе и московско-петербургского тракта), жилищные слои населения которых активно вступало в торговые отношения с проезжающими. В то же время приведенные материалы по-прежнему не могут ответить на вопрос о причинах локального существования подобных домов в XIX — начале XX вв., поскольку их нет в других районах с высоким развитием ремесел, торговли и других указанных факторов. Это лишний раз свидетельствует о том, что изучение общих условий возникновения и развития любого элемента культуры немыслимо без рассмотрения местных, специфических условий исторического развития отдельных регионов.

Новые веяния в сельском хозяйстве начала XIX в., связанные с усилением спроса на хлеб и сельскохозяйственное сырье, как отмечала еще А.Г.Введенская, нашли отражение и в крестьянской архитектуре [34]. Именно в это время возникает так называемый «русский» (или «псевдорусский») стиль. Так, в 1815 г. архитектор К.Росси создает проект перестройки д. Глазово близ Павловска, получивший одобрение царствующей фамилии. Вся деревня у него была разбита на группы по три избы в каждой. Для нас особый интерес представляет центральная постройка, срубленная, как и остальные, в «обло» (чашу), но стоящая на высокой подизбице. На фасаде этой избы расположены два балкона: один во фронтоне, другой занимает всю плоскость передней стены и покоится на столбах [35]. Проект Росси хотя и содержал в себе традиционные для жилищных россиян элементы (высокую подизбицу, балкон и галерею), был излишне перегружен декоративными украшениями, и поэтому не мог получить заметного подражания в сельской местности.

Ситуация изменилась во времена правления Николая I, руководствовавшегося во внутренней политике знаменитой триадой: «православие, самодержавие, народность». Следствием реализации принципа «народности» и стало Положение от 27 октября 1830 г., которое было направлено на широкое внедрение в народную архитектуру официальных проектов, основанных на русских традициях домостроения. Для достижения этого предполагалось использование альбомов с образцами рекомендуемых зданий. Это было специально оговорено в правительственном указе: «Фасады разных сельских строений напечатать или отлитографировать и препроводить... к начальникам губерний... Планы и фасады дозволить продавать совокупно и по листам...» [36].

В 1831 г. при Министерстве внутренних дел выходит альбом с планами крестьянских усадеб. Четвертую группу в нем составляют дома «наподобие городских». Один из них изображает каменный дом

для жилищных крестьян (лист 42, № 57), стоящий параллельно дороге, с галереей посередине переднего фасада. Она поддерживается шестью столбами. Сходны с ним и фасады деревянного и каменного домов, также предназначавшихся «для жилищных крестьян» (лист 46, № 64 и №65): в центре их находится галерея на четырех столбах с расположенной под нею входной дверью. Еще более близкими к избушкам рассматриваемого типа являются фасады двухэтажных деревянных домов, рубленных в «обло» (лист 47, № 67). Один из них стоит перпендикулярно, другой — параллельно улице; причем первый имеет самцово-слеговую конструкцию крыши. В верхнем этаже обоих домов по пять окон, в нижнем — четыре окна, так как вместо среднего окна прорублена дверь. По всему переднему фасаду первого дома проходит открытая галерея на шести столбах. Второй дом отличается тем, что галерея проходит не по всему фасаду и устроена на четырех столбах. В остальных группах домов этого альбома галереи отсутствуют. Это еще раз подтверждает нашу гипотезу о городском происхождении галерей в крестьянском зодчестве и одновременно указывает на отсутствие таких построек в русской деревне того времени в сколько-нибудь широких масштабах.

В 1835 г. А.Штакеншнейдер строит для Николая I в Петергофе Сельский домик (позднее названный Никольским) или Домик в русском вкусе, как его называл сам архитектор. Он был двухэтажным и рублен в «обло». Под окнами второго этажа также была устроена галерея на четырех столбах с балясинами [37].

Дальнейшее развитие облика этого типа дома во многом связано с широким распространением в деревне в 40-50-е гг. XIX в. официальных проектов. Очень показательным в этом отношении является «Атлас нормальных чертежей сооружений...» 1842 г. [38]. Из пятнадцати помещенных здесь проектов крестьянских изб «по обычаям северной полосы» в четырех во весь фасад устроены галереи на столбах (проекты №№ 1, 9-11). На первом изображен двухэтажный дом-двойня. Остальные проекты рассчитаны на менее состоятельных крестьян и имеют по два-три окна на фасаде, часто со ставнями. Все они устроены на высокой подизбице и с дверью в торце дома.

Сходные цели преследовал и «Атлас проектов и чертежей сельских построек...», изданный в 1853 г. Кроме рассылки в государственные учреждения Департамента сельского хозяйства он предназначался и «в продажу по цене, доступной для всякого помещика и сельского хозяина» [39]. Для нас интересен «Проект домов для среднего крестьянского семейства», показанный на листе 6 (рис. № 9). Это одноэтажный деревянный дом на высокой подизбице с тремя окнами по фасаду. Под окнами по всему фасаду идет галерея на четырех столбах с балясником на двух крайних пряслах. Особо примечательно пояснение к плану. Оно говорит о том, что такой дом устраивается «с навесом или галереей с лица, весьма удобной в том случае, когда вместо предложенного по фасаду подполья, будет устроена лавочка» [40]. На листе 20 этого издания (рис. № 23) изображен «План и фасад деревянного до-

ма, построенного на выселке по Царскосельской железной дороге». Он двухэтажный, с тремя окнами на фасаде, в нижнем этаже — посередине дверь. Вверху, по всему рубленному фронтому, идет декоративный балкон, внизу — галерея во весь фасад.

Таким образом, рассмотренные материалы опровергают точку зрения о приоритетном воздействии географических и экономических причин на распространение построек с галереей или навесом по фасаду. На наш взгляд, местом первоначального распространения домов этого типа является почтовый тракт Петербург — Москва. Главная дорога государства представляла собой своего рода визитную карточку, официальный фасад Российской империи, поэтому к ней предъявлялись особые требования.

Принимая во внимание эти обстоятельства, сельские постройки на высокой подизбице и с галереей правильнее называть «притрактовыми». Затем мода на такие постройки распространилась в близлежащие районы с высоким развитием товарно-денежных отношений, в том числе по р. Мсте. С течением времени представление о моде и красоте изменились (особенно интенсивно в последней четверти XIX в.), в результате чего дома с галереей по фасаду стали быстро исчезать в районах, прилегающих к столицам, сохраняясь еще долго в провинции, в данном случае в Новгородской губернии.

1. См., напр.: Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Тр. Института этнографии (далее ТИЭ). Нов. серия. Т.XXXI. М., 1956. С.3-460; Витов М.В. // Вестник МГУ. Ист. науки. 1958. № 4. С.134-142; Шенников А.А. Крестьянские усадьбы конца XVIII и начала XIX вв. в Европейской России // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып.5. Л., 1968. С.3-16.
2. Красноречьев Л.Е. Отчет об исследовании, перевозке и реставрации избы Екимовой М.Д. из д. Рышево Новгородского района. Новг. спец. науч.-реставрац. произв. мастерская, 1974 г. // Архив ГУК «Новгородское научно-реставрационное управление». № Р-900. Л.10.
3. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. Табл.27, 40.
4. Громов Г.Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. Ч.1. М., 1985. Рис. на с.326.
5. Красноречьев Л.Е., Тынгарева Л.Я. «...Как мера и красота скажут». Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л., 1971. С.79-82; Красноречьев Л.Е. Указ. соч. С.9-11.
6. Архив Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГОМЗ), №1855. Л.11-12, 22-24; №2452. Л.17а-18. Фото 1-8; Личный архив автора. Материалы этнографических обследований Новгородской области в 1984 — 1994 гг.
7. Красноречьев Л.Е. Указ. соч. С.10-11.
8. Там же.
9. См., напр.: Бломквист Е.Э. Указ.соч. С.176.
10. Бломквист Е.Э. Указ.соч. С.164, 172, 176; Васильев Ф.В. Материальная культура крестьян Нижегородского Заволжья (середина XIX — начало XX вв.). М., 1982. С.223-224; Артамонов М.И. Постройки Краснохолмского уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С.26-28. Рис.5-7; Гринкова Н.П. Постройки юго-западной части Ржевского уезда // Там же. С.153.
11. Просвиркина С.К. Новгородская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея (ГИМ) 1936 г. //

- Тр. ГИМ. Вып.XV. М., 1941. С.148. Рис.11, 17, 25; Архив НГОМЗ, №2829. Л.30-32. Рис.1-3. Фото1-6, 14-16; №3196. Рис.3, 5, 7, 9; Личный архив автора. Материалы этнографических обследований Новгородской области в 1986 г.
12. Атлас Новгородской области. М., 1982. С.8.
13. Там же. С.11.
14. См., напр.: Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVII века. Ч.1. М., 1979. С.188.
15. См., напр.: Бломквист Е.Э. Указ. соч. С.160-210.
16. Пушкарева Л.А., Шмелева М.Н. // Сов. этнография. 1958. № 4. С.108; Васильев Ф.В. Указ. соч. С.178; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX вв. М., 1981. С.103-127; Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988. С.43-107; На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII — XX вв. / Отв. ред. В.А.Александров. М., 1989. С.101-113.
17. Архив Российского этнографического музея, Ф.7. Оп.1. №708. Л.40-41; Архив НГОМЗ, № 1851. Л.8. Фото 78; №1852. Л.7-8; №2015. Л.7-9.
18. Бломквист Е.Э. Указ.соч. С.168, 173; Громов Г.Г. Крестьянское жилище. С.327.
19. Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVI века. Ч.1. М., 1977. С.195.
20. Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А.Колчин. М., 1985. С.139-154.
21. Там же. С.143; Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С.22-26, 37 и др.; Этнография русского крестьянства Сибири. С.109.
22. Громов Г.Г. // Вестник МГУ. 1965. № 6. С.48.
23. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С.41, 109.
24. См.: Марасинова Л.М. Торговля и средства передвижения // Очерки русской культуры XVI века. Ч.1. М., 1977. С.268-269.
25. Громов Г.Г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С.10; Васильев Ф.В. Указ. соч. С.178; Бломквист Е.Э. Указ. соч. С.76-77.
26. Маслова Г.С., Станюкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX вв.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. ТИЭ. Т.LVII. М., 1960. С.82.
27. Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края (северная часть Московского округа). Дмитров, 1930. С.33, 45; Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954. Рис.16; Табе Р.М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941. Рис.123, 142.
28. Громов Г.Г. Крестьянское жилище. С.326-327.
29. См.: Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVII века. Рис. на с.194.
30. Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. По Приильмению: Путеводитель. Л., 1991. С.185.
31. Марасинова Л.М. Указ. соч. С.268-269. Рис. на с.270.
32. Просвиркина С.К. Указ. соч. С.142; Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Чижилова Л.Н. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX — начале XX вв.) // ТИЭ. Т.LVII. С.19. Рис.66; Петрова Т.А. Андрей Штакеншнейдер. Л., 1978. С.19; Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданных от Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ (М.Г.И.). Спб., 1853. Рис.22, 23.
33. Архив НГОМЗ, №1855. Л.19-20; №2452. Л.17а-18. Фото 1-8.
34. Введенская А.Г. Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX вв. // Тр. ГИМ. Вып.XV. С.83.
35. Там же. С.87-88.
36. Там же. С.93.
37. Петрова Т.А. Указ. соч. Рис. на с.19.
38. Атлас нормальных чертежей сооружений по ведомству Министерства государственных имуществ. Спб., 1842.
39. Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданных от Департамента сельского хозяйства М.Г.И. Спб., 1853. С.III-IV.
40. Там же. С.8.